

От редакции

Дорогие читатели НЛО!

Этот специальный номер посвящен проблематизации понятия и опыта (не)насилия. Мы рассматриваем понятие ненасилия в самых разных значениях и ракурсах: как ценностную установку и этический императив, как способ поведения и солидарную коллективную практику, как точку отсчета для построения исследовательской перспективы и инструмент, позволяющий поставить под вопрос и критически трансформировать сложившиеся в обществе диспозиции. Как показывают наши авторы, дискурсы о ненасилии строятся в тесной связке с понятием насилия, поэтому важно было также проблематизировать сами критерии разделения насилия и ненасилия, показать нюансы их различения в зависимости от контекста и исследовательской оптики. К примеру, то, что в логике одних мыслится ненасилием (мирный протест), в логике других может пониматься как насилие, и, наоборот, то, что проецируется или декларируется как ненасилие, на практике может оказываться насилием. При этом ненасилие может связываться с агрессией, а насилие быть легитимным, повседневным, символическим и не называться / не опознаваться как таковое. Следовательно, от рамок интерпретации насилия и ненасилия зависят их значения, предполагаемые ими практики и реакции на них.

Продумывая концептуальный дизайн этого номера, мы ставили целью реконструировать русскую культурную историю ненасилия на уровне *идей, понятий и практик*. Нам было важно увидеть, насколько понятия о ненасилии были производными от их культурно-исторических контекстов (1); как зарождались, распространялись и умирали в российской культуре пацифистские идеи (2); как эти идеи определяли практики или, напротив, оставались перед ними бессильными (3). Гуманистическая традиция в русской культуре, представленная в основном именем Льва Толстого, мало исследовалась на уровне институциональных альтернатив официально-авторитарному дискурсу, низовых инициатив и т.д. Между тем христианизация Руси, реформаторские дви-

жения российских императоров, золотой век российского Просвещения, русская религиозная философия, пацифистские движения, организации и низовые инициативы советской и современной России дают нам достаточно материала для постановки вопроса о характере, динамике развития и действенном потенциале ненасилия в нашем обществе.

Вопросы, которые мы ставили в спецвыпуске: Насколько категория ненасилия и производные от нее — *сострадание к ближнему, милосердие, человечность* — были исторически обусловлены в российской культуре? Как их значения менялись от эпохи к эпохе? Какие официальные (неофициальные, полуофициальные) институты в России практиковали образы и ценности ненасилия? Какие этические нормы возникали в ходе работы этих институтов? Как этос ненасилия проникал в художественные практики? Какие новые формы культурного самовыражения появлялись вследствие проникновения этой идеи? Как насилие и ненасилие взаимодействовали, пересекались или вытекали одно из другого в русской культурной истории? Насколько границы между ними оказывались размыты? Имеет ли разговор о ненасилии сегодня в России действенную перформативную силу, и если да — в чем она заключается?

Опираясь на уже сложившуюся традицию проблематизации (не)насилия (Толстой, Ганди, Кинг, Мандела, Арендт, Беньямин, Сорель, Жижек и др.), мы также стремились представить российскому читателю поле актуальной критической полемики, рефлексии современных теоретиков о значении, формах, задачах и способах определения ненасилия. Проблематизация ненасилия неожиданным образом позволила нам актуализировать целый ряд понятий, на первый взгляд не связанных или не прямым образом связанных с ним: *свобода, совесть, переживание (проживание) вины, индивидуация, достоинство* и т.д. Наконец, один из неожиданных выводов касался того, что ненасилие как практика требует борьбы за сферу *видимости* и *чувств*, что в целом означает пересмотр седиментарно сложившегося и инертно воспроизводящего себя социального порядка.

Для журнала «Новое литературное обозрение» эта тема закономерно вытекает из наших более ранних проблематизаций: рабство как интеллектуальное наследие и культурная память (№ 142, 2016), (пост)имперская Россия (№ 144, 2017), постсоветское как постколониальное (№ 161, 2020) и т.д. Мы также обращались к фигуре Льва Толстого через оптику колониализма и насилия (№ 175, 177, 2022; № 182, 2023). В этом смысле разговор о ненасилии сегодня необходим для того, чтобы понять, возможна ли — и в каких формах — в России неимперская, неколониальная история ненасильственных практик и мирных инициатив. В нынешнем спецвыпуске мы, разумеется, не смогли охватить все связанные с этой проблематикой темы, однако для начала долгого разговора о природе, формах бытования, оправданности и потенциалах ненасилия сделали первый шаг. Мы приглашаем наших читателей к внимательному чтению и полемике.

Татьяна Вайзер